

НАЗЛЫ ГЮЛЬ ДЕМИР

**ОТДЕЛЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ**

**ИЮНЬ
2010**

**ТУРЕЦКАЯ РЕСПУБЛИКА
УНИВЕРСИТЕТ ФАТИХ
ФАКУЛЬТЕТ ЕСТЕСТВЕННЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ**

**ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
НА ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ
(XX-XXI вв.)**

НАЗЛЫ ГЮЛЬ ДЕМИР

Июнь 2010

Enstitüsü : **Sosyal Bilimler**
Anabilim Dalı : **Rus Dili ve Edebiyatı**
Tez Danışmanı : **Prof.Dr. Tamara GURTUEVA**
Tez Tarihi : **Haziran 2010**

KISA ÖZET

NAZLI GÜL DEMİR

20-21 yy da Rus Edebiyatının Orta Asya Halklarının Edebiyatına Etkisi

Bu tez araştırmasının temelinde Orta Asyanın modern rus dilli şiirleri ayrıca Özbek şiirlerinin durumu üzerinde durulmaktadır. Böyle bir etkinin en önemli sebeplerinden birisi modern edebiyatın sosyo-estetik meselesi olmuştur. Bizim ilgilendiğimiz bu problem iki edebiyatın birbirine etkisi, modern araştırmacıların çalışmalarında bir anlam bulmuştur. Bu doğrudan doğruya sosyal bir önem kazanan bilingivizm ile bağlantılıdır.

Master tezinde ayrıca hangi suretle iki edebiyatın (milli ve rus) karşılıklı hareketleri olan estetik içerikli bir kültür alışımı gösterilmiştir. Böyle bir sanatsal uygulamanın birleşimi ana bölümde gösterilmiş olup, modern Özbekistanın rus dilli şairi Sabit Madaliyeva'ya hitap edilmiş ve burada Doğunun sufi şiirleri ile sözlü rus adetlerinin şiir sanatının özellikleriyle bir alışım sunmaktadır.

Burada çift dilin Özbek şiirindeki oluşumu ve gelişiminin sistematik analizinin yanında milli ve rus çift dilli geçiş sürecinde çalışmanın ilmi yenilikleri aydın temsilcilerin sanat eserlerinde takip edilmiştir.

Anahtar Kelimeler: bilingivizm,Rusça şiirler,şiir sanatı

Факультет : Естественных и Гуманитарных Наук
Отделение : Русского Языка и Литературы
Руководитель : Проф.Др. Тамара ГУРТУЕВА
Дата : Июнь 2010

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

НАЗЛЫ ГЮЛЬ ДЕМИР

ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ (XX-XXI вв.)

В основе диссертационного исследования лежит наблюдение над состоянием современной русскоязычной поэзии Средней Азии, в частности узбекской поэзии. Одной из важных причин такого воздействия послужили социально-эстетические задачи современной литературы. Интересующая нас проблема взаимодействия двух литератур нашла осмысление в работах современных исследователей. Она непосредственно связана с проблемой *билингвизма*, которая приобрела социальную значимость, так как определяет взаимообогащение литератур.

В магистерской диссертации показано, каким образом из союза или противодействия двух литератур (национальной и русской) возникает культурный сплав с особым эстетическим содержанием. Творческая реализация такого объединения показана в основной главе, посвященной одному из самых интересных русскоязычных поэтов современного Узбекистана – *Сабита Мадалиева*, чьи стихи представляют собой удивительный сплав поэтической образности русской словесной традиции и суфийской поэзии Востока.

Предпринятая попытка системного анализа становления и развития двуязычия в узбекской поэзии, прослеживание процесса перехода к национально-русскому двуязычию на материале творчества её ярких представителей определяет степень *научной новизны* исследования.

Ключевые слова: билингвизм, русскоязычная поэзия, поэтика

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ (XX-XXI вв.)	I
ПРЕДИСЛОВИЕ	II
КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ	III
СОДЕРЖАНИЕ	IV
ВВЕДЕНИЕ	5
<i>Глава первая. ПРОБЛЕМА ДВУЯЗЫЧИЯ В ЛИТЕРАТУРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ (теоретический аспект)</i>	12
<i>Глава вторая. ПОЭЗИЯ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ДВУХ ТРАДИЦИЙ</i>	
<i>2.1. Историческая хроника</i>	18
<i>2.2. Сабит Мадалиев: координаты поэзии</i>	23
<i>2.3. Метаморфозы времени</i>	30
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	35
БИБЛИОГРАФИЯ	38

ВВЕДЕНИЕ

Главной задачей нашего исследования станет процесс воздействия русской поэтической традиции на поэзию Средней Азии, в частности *узбекскую* поэзию. В результате такого воздействия в среднеазиатском регионе появилась новая литература, которую уже давно стали называть *русскоязычной*. Как традиционная узбекская поэзия, так и новая, русскоязычная стали оказывать воздействие друг на друга, опираясь на социально-эстетические задачи современной литературы. Проблема взаимовлияния литератур не вызывает сомнений. Давно уже известно, что государства, объединяющие различные народы, могут разрушиться, но бесконечным, непрерывным остается процесс взаимодействия культур этих народов.

Актуальность поставленной в магистерской работе проблемы взаимосвязи, взаимообогащения литератур в современных условиях не вызывает сомнений. Конечно, у каждого народа есть свои традиции, которые народ и представители культуры бережно стараются сохранить и передать по наследству своим преемникам. Но в то же время идет и обогащение любой национальной культуры всем лучшим, что создано в мировой культуре. Однако это не означает, что процессы взаимовлияния проходят легко и гладко, то есть безо всяких конфликтов. Так, например, мы столкнулись с очень серьезными проблемами в сфере межнациональных отношений, которые были в первую очередь вызваны многолетним невниманием к духовным запросам народов, к развитию их национальных языков.

Большинство исследователей утверждают, что в последнее время решение проблемы межнациональных отношений стало переноситься в качественно иную плоскость. Понятие единства означает тесное взаимодействие при сохранении самобытности, неповторимости облика каждой из литератур.

В последние десятилетия стало всё больше и больше появляться исследований, касающихся процессов взаимовлияния литератур разных культурных традиций. Их можно условно разделить на два типа: *идеологизированные* и *объективные*. К первому типу относятся экспрессивные работы, полные радостной гордости за «общий дом – Советский Союз»,

«показавший всем странам...» образец решения одной из насущных проблем современности – как развивать национальные культуры в многонациональном государстве» (Комановский 1973, 8). Роль, которая отводилась процессу взаимодействия литератур, была служебной: этот процесс преследовал идеологические цели (формирование идейно-эстетического единства советской многонациональной литературы), притом «идейное единство» понималось как единство политическое. В литературоведческих работах до бесконечности повторялся тезис о многообразии тем и форм внутри метода социалистического реализма, таким образом, созданные на разных географических и национальных широтах произведения киргиза, узбека, казаха, таджика... «имели множество точек соприкосновения и схождения в главном – в осознании преобразующей силы революции...» (Османова 1977, 95).

Литературоведение, можно сказать, совершенно забыло об истинном и очень важном назначении художественного слова. Эстетика образного строя произведения, как и поэтика, стали просто забываться. И это никого не удивляло, потому что эмоции, вызванные новым временем (а мы говорим о национальных культурах социалистического содержания), их усиление, вызванное пропагандистскими целями, заставляли закрывать глаза на логические огрехи. «Через расцвет национальных культур, несущих в советских условиях социалистическое содержание, через многообразие национальных форм, выражающих это содержание, - к сближению культур, к сближению народов» (Комановский 1973, 7). В действительности это означало, что национальное своеобразие литературы нужно было только для использования её в идеологических целях. Литература политизировалась, вместо того чтобы обогащаться и двигаться дальше.

За последние десятилетия теме взаимовлияния национальных литератур с русской было посвящено немало исследований и большинство, к сожалению, страдало именно необъективным подходом к этой проблеме. Можно привести целый ряд работ, имеющих совершенно одинаковую трактовку русско-национальных взаимовлияний (Габдиров 1968; Жирков 1982; Андрианов 1968; Шарифи 1972; Зубайраев 1976; Канаев 1973; Халидова 1981; Курбанов 1987 и др.). И только в последние годы начали появляться исследования, авторы которых

старались по-новому, объективно анализировать процесс литературного взаимовлияния. И результат не заставил себя долго ждать. Постепенно идеологические штампы уступили место конкретному анализу взаимодействия литератур. Интересующая нас проблема взаимодействия русской и узбекской литератур (в частности, поэзии) находит осмысление в работах современных исследователей. При изучении этой проблемы в настоящее время «рассматриваются аспекты воспринимающей литературы и литературы воспринимаемой (в широком смысле воспринимается не только литературный опыт нации, но и всё её культурное, духовное наследие, атмосфера, нравы, быт и т.д.) (Кшондзер 1994, 49).

Проблема взаимодействия литератур напрямую связана с социально значимой проблемой сегодняшнего времени – проблемой *билингвизма*. Русскоязычие стало одним из наиболее характерных явлений современной литературной жизни Средней Азии. Оно приобретает социальную значимость, так как «...определяет взаимообогащение литератур» (Скорород 1993, 10). Русскоязычное творчество условно можно разделить на следующие типы:

а) *лингвистический билингвизм*, при котором автор, пишущий на своем родном языке, испытывает косвенное воздействие русского языка;

б) *функциональный билингвизм*, выражающийся в способности того или иного писателя при необходимости перейти на другой (русский) язык;

в) *творческий билингвизм*, обеспечивающий свободный переход художника с одного языка творчества на другой на протяжении всего творческого пути;

г) *полное русскоязычие*;

д) *авторские переводы*.

Данная классификация применялась и при исследовании русскоязычной прозы народов Севера (Качмазова 1995, 8).

Одной из главных для нас стала проблема *взаимодействия культур различных народов в пределах художественного творчества*. «Мы не рассматриваем произведения писателей ... только в рамках национальной литературы, потому что их творчество явилось синтезом традиций нескольких литератур» (Скорород 1993, 11).

Некоторые исследователи национальных литератур с сожалением признавались в том, что национальное своеобразие и национальный колорит терялись оттого, что эти произведения в основном были ориентированы на русскую литературу. «Обращение национальных писателей к опыту великой русской литературы имело принципиальное направляющее значение для новописьменных литератур. Новый творческий метод должен был естественно вырастать из национального художественного наследия, ... он формировался в творческой практике писателей-первопроходцев, сближение писателей с жизнью народа, а не следование готовым образцам» (Чамоков 1968, 103). Подобная точка зрения, конечно, не должна была выражаться в категоричной форме. Представление о том, что можно сохранить самобытность своей культуры, оберегая её от контактов с другими литературами, в принципе неверно, так как «любое влияние извне играет одновременно и положительную, и отрицательную роль в развитии культуры. Положительную – если мы пересилим его, отрицательную – если оно восторжествует над нами» (Круглый стол 1986, №8). Другими словами, только механическое заимствованное другой культуры может оказать отрицательное влияние.

Прошло несколько десятилетий. И вот сегодня мы можем заметить, что основной целью новых исследований стало освещение *стилевой* специфики двуязычного художественного творчества русскоязычных писателей в аспекте определения национального своеобразия. И речь здесь идет не только о манере письма. Теперь уже наиболее важной считается сама общность образной системы, средств художественной выразительности и изобразительности. А это предполагает *параллельное* употребление образных средств, идущих от фольклорных истоков, стилистических приемов русской культуры, а также авторских индивидуально созданных эпитетов и сравнений. Такое сочетание средств «помогает автору художественно-эстетически организовать, осмыслить и прокомментировать событие, содержание, дает ему оригинальную возможность выводить локальные проблемы на общечеловеческий уровень» (Айылчиев 1992, 12).

В своей работе мы попытаемся показать, каким образом из союза или противодействия двух литератур (национальной и русской) возникает культурный

сплав с особым эстетическим содержанием. Творческая реализация такого объединения будет показана нами в основной главе, посвященной творчеству одного из самых интересных русскоязычных поэтов современного Узбекистана – Сабита Мадалиева, чьи стихи представляют собой удивительный сплав поэтической образности русской словесной традиции и суфийской поэзии Востока.

Объектом исследования избрано двуязычное и русскоязычное художественное творчество узбекских авторов. Средняя Азия отличается многонациональным характером литературного процесса и дает интересный материал для типологических обобщений. Русскоязычное творчество в этом литературном регионе имеет давние корни (исторически сложилось еще в XIX в).

Предметом исследования являются проблемы двуязычного художественного творчества поэтов Узбекистана, особенности русскоязычной узбекской поэзии.

Цель диссертации — выявить особенности поэтики русскоязычной узбекской поэзии.

Для достижения этой цели поставлены следующие **задачи исследования**:

- проследить историко-литературные предпосылки формирования билингвизма в общероссийском контексте;
- определить типы и модели двуязычного художественного творчества в литературе;
- изучить основные формы и этапы становления литературного двуязычия в Узбекистане;
- выработать достаточно объективные критерии национальной принадлежности русскоязычных произведений, уяснить своеобразие ментальности, связь с этнонациональными традициями народа;
- проанализировать творчество талантливого русскоязычного поэта Сабита Мадалиева на фоне литературного процесса в Средней Азии;

Научная новизна исследования заключается в том, что предпринята попытка системного анализа становления и развития двуязычия в узбекской поэзии, прослеживание процесса перехода к национально-русскому двуязычию на материале творчества ее ярких представителей.

В диссертации выявляется национально-художественное своеобразие русскоязычных произведений узбекских поэтов, опирающихся на традиции своего народа и воссоздающих национальный мир на русском языке. В работе проводится углубленный анализ художественных текстов с точки зрения отражения в образах, описаниях, в поэтике, ментальности и мировидения автора — билингва. Вводятся в научный оборот некоторые новые имена, которые позволяют рассматривать творчество двуязычных авторов в системе национальных литератур.

Методологической и теоретической основой исследования явились фундаментальные труды теоретиков и историков по сравнительному литературоведению: А. Н. Веселовского, В.М. Жирмунского, Н.И. Конрада, М.П. Алексеева, Д.С. Лихачева, М. Храпченко, И.Г. Неупокоевой, а также работы М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, С.С. Аверинцева, Г.Д. Гачева, Ю.М. Лотмана и др. Методологической основой изучения литературного двуязычия служат исследования А.Ф. Лосева, Г.О. Винокура, А.А. Потемни, Е.Д. Поливанова, Л.С. Выготского и др. Различные аспекты литературного билингвизма рассмотрены в трудах исследователей национальных литератур Г. Ломидзе, Р. Юсуфова, Г. Гамзатова, Ч. Гусейнова, Р. Бикмухаметова, К. Султанова, Ш. Мазанаева, русскоязычное литературное творчество узбекских литераторов было предметом научного исследования ряда ученых.

В исследовании применяются сравнительно-исторический и сопоставительный **методы исследования**.

Теоретическая значимость работы состоит в углублении представлений о формировании и развитии литературных процессов и творческих индивидуальностей. Прослежены пути развития явления билингвизма в среднеазиатском этнокультурном регионе.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что результаты, полученные в ходе исследования, могут быть использованы в школьной и вузовской практике, при чтении спецкурсов и проведении спецсеминаров. Работа открывает возможности для дальнейшей разработки теоретических проблем истории литератур народов Средней Азии и России.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации апробированы на семинаре в Фатих университете (Стамбул, 2010).

Структура и объем диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического аппарата и примечания.

Глава первая. **Проблема двуязычия в литературном творчестве:**
теоретический аспект

История литературы народов России представляет собой историю национальных литератур и «межлитературных общностей» (Н.И. Конрад). Национальная литература стремилась к связям с литературами и культурами других народов, и всегда присутствовал фактор двуязычия. Когда мы говорим о формировании художника, то всегда должны иметь в виду в первую очередь то культурное пространство, в условиях которого складывается его личная судьба.

С давних времен народы были вынуждены для соблюдения контактов между собой и сотрудничества владеть несколькими языками. Можно сказать, что двуязычие есть порождение связей и непосредственных контактов народов, которые складывались в результате тех или иных исторических событий. В центре внимания исследователей, изучающих проблемы становления и развития национальных литератур, находится и двуязычное художественное творчество, так как русскоязычие поэтов и писателей в наше время стало довольно распространенным явлением.

Многие исследователи сходятся в мысли, что проблема двуязычного творчества - это проблема общеэстетическая. Двуязычие — это целая система литературной связи, сложившаяся реально в художественной культуре. Фактор двуязычия можно объяснить как внутренними потребностями самобытного формирования национальных литератур, так и воздействием процессов, сопровождающихся общекультурным развитием в стране. Явление двуязычия также определило особенности формирования художественного сознания народов, живущих в едином культурном мире. А народы России и Средней Азии всегда объединяло общее культурное пространство.

Исследование процесса билингвизма - важная проблема литературоведения в теоретическом и практическом аспектах. В этом смысле можно говорить о *типологии* этого явления, о необходимости исследования вопросов двуязычного творчества, роли русского языка – языка межнационального общения в художественной практике национальных литератур наряду с родным языком. Это делает актуальным изучение проблемы художественного двуязычного творчества

для каждого народа. При этом надо отметить, что единство многонационального литературного процесса предполагает как сходство, так и различие в национальном и региональном литературном процессе. Анализ влияния русского художественного мышления, достижений художественной литературы, поэтики русских произведений на творчество русскоязычных писателей требует исследования механизмов взаимоотношения между национальными и русскими авторами. В условиях соседства различных языков национально-русское двуязычие — «объективная и правомерная реальность, воспринимаемая как норма языковой жизни» (Г.Г. Гамзатов). Сложные национальные проблемы в Средней Азии показывают, как постоянно увеличивается потребность в сближении духовных ценностей представителей разных этнических обществ. Многообразие художественных миров не устраняет общечеловеческого смысла культуры, поэтому сегодня важно изучить, как исторически конкретно проявляются разнообразные формы и общности национальных духовных ценностей.

Динамика становления и функционирования двуязычного художественного творчества среднеазиатских поэтов в системе национальных литератур, особенности литературного билингвизма отдельных национальных литератур, феномен межэтнического диалога культур являются малоисследованными вопросами.

Двуязычие как индивидуальное и неповторимое явление не поддается прямолинейному причинному обоснованию социальными условиями. В каждом конкретном случае решают биография писателя, его судьба, условия становления творческой личности. Можно выделить два основных типа возникновения двуязычия. Это воспитание в семье, где наряду с родным языком был и русский, как, например, в смешанных браках или из-за недостаточного знания одним из родителей «национального» языка и формирование личности в интернациональной среде - городе, поселке, многоязычной сельской местности, когда происходит общение на русском языке.

В литературном творчестве определяющее значение имеют внутренние процессы, которые происходят в самой творческой личности. Билингвизм в литературе стал складываться в тенденцию. Одним из главных факторов

появления русскоязычного творчества стало получение образования на русском языке и, конечно же, приобщение к русской культуре. И нередко именно русский язык начинает выполнять творческие функции. Развитие литературных языков в среднеазиатских литературах неотделимо от проблем литературного билингвизма.

Проблема билингвизма связана с общими закономерностями и включает рассмотрение широкого контекста и наблюдения над произведениями, созданными на русском языке, Ч.Айтматовым, О.Сулейменовым, Ф.Искандером, Ю.Рытхэу и др. Двухязычными писателями являются М. Шагинян, Б. Пастернак, Б. Окуджава. В то же время в литературах России исторически сложились традиции русскоязычного творчества, сохраняющего национальное своеобразие.

У исследователей¹ (Дравич А. Не только русская литература: советский не обязательно русский // Вопросы литературы. - 1990. - №8.- С. 28-43, Маркиш Ш. О русскоязычии и русскоязычных //Литературная газета. - 1990.- 12 декабря) не возникло никаких сомнений в том, что Ч. Айтматов – писатель киргизский, О. Сулейменов - казахский, Ю. Рытхэу - чукотский, И. Друцэ - молдавский, М. Ибрагимбеков - азербайджанский, Т. Пулатов — узбекский и т.д. Главным критерием в определении национальной специфики их произведений были глубокое проникновение в национальную жизнь, своеобразный менталитет их авторов, а во многих случаях и факты их литературного билингвизма.² (Казиев Б., Фоменко А. Всяк сущий в ней язык...//Литературная газета. - 1989. — 8 ноября. — С.3).

Изменение общественно-политической ситуации в стране, бурный рост национального самосознания всех ее народов, повышение статуса родных языков осложнили положение современных русскоязычных писателей. И даже могут осудить «отказ писателя от родного языка, видя в этом акт предательства своей национальной культуры».

Вопрос о правомерности русскоязычия в какой-то мере возникал у писателей. Такие сомнения испытывал Эффенди Капиев: «Найдутся люди, станут упрекать меня в измене родному языку. Я думал об этом». Подобные высказывания упреки были в адрес известных писателей Ч. Айтматова и В. Быкова.

Иногда появляются неожиданные суждения и у тех, кто недавно защищал право национального писателя на русскоязычное творчество. Так, Ч. Гусейнов в 1990 году в своем интервью сказал: «Произведение, написанное на русском языке, не будет иметь никакого отношения к национальной литературе, оно может лишь косвенно повлиять на нее. В лучшем случае оно обогатит русскоязычную литературу. В художественном литературном творчестве язык - основной фактор»¹.

Однако в книгах «Формы общности советской многонациональной литературы» (М., 1978) и «Этот живой феномен» (М, 1988) Чингиз Гусейнов писал: «...Появление в ряде национальных литератур писателей, пишущих на двух языках или только на русском, и в чьих произведениях вместе с тем живет национально - неповторимое, представляется исторически закономерным и объективным»².

Он не мог согласиться с трактовкой творчества Э. Капиева, Ю.Рытхэу, В. Санги, С. Сулейменова и др., как, якобы, "не имеющего отношения к национальным литературам"³. (Там же.-С. 412.).

Нельзя не согласиться с тем, что «русскоязычные произведения ... писателей национальны, поскольку отражают проблемы жизни народа, его ментальность, его видение мира, обусловлены влиянием среды, воспитания, быта, окружающей природы, фольклора и опираются на его художественные традиции»⁴. Относить писателя к национальной литературе по языковому признаку неправильно, так как это может привести и искажению в оценке явлений культуры.

Очень важно показать процесс становления среднеазиатских литератур во взаимодействии с различными типами национально-духовной культуры. Синтезировались традиции Востока и Запада. Русско-узбекские литературные связи были разнообразными, и они способствовали развитию творчества узбекских поэтов и писателей на русском языке. Тогда обращение писателей к русскому языку диктовалось большей частью собственно литературными причинами или особенностями творческой биографии самого писателя.

Особой широты русскоязычие достигает к концу XX века. Генезис и эволюция происходят в условиях взаимовлияния и взаимообогащения литератур,

благодаря «встречным течениям» в заимствующей литературе (А.Н. Веселовский). Двухязычное художественное творчество тесно соприкасается с проблемой ментальности, культуры, языка. Оно является одним из факторов межкультурной коммуникации. Проблема двухязычия связана с ростом авторитета русского языка как языка межнационального общения. Русский язык ускоряет развитие культуры, воздействует на другие языки, обогащает их.

Проблема двухязычного художественного творчества среднеазиатских, в частности, узбекских поэтов и писателей рассматривается в рамках определенного периода, осмысливается место узбекской русскоязычной литературы в художественном процессе. Благодаря этому накопился определенный литературный опыт. Кроме этого разноязычные литературы не могли бы взаимодействовать и воздействовать друг на друга без такого существенного фактора как русский язык. Распространение литературного двухязычия в Средней Азии еще не осмыслено полностью. Но ясно то, что оно не способствует потере национальной культуры. Актуальной представляется проблема взаимообогащения литератур через двухязычие в проблемном и жанрово-поэтическом планах, с уяснением того, что русскоязычные произведения - неотъемлемая часть истории национальной литературы.

Закономерный процесс развития двухязычия, распространенной формой которого выступает русско-национальное творчество писателя, еще недостаточно изучен литературоведением. Художественное творчество национального писателя, творящего и на языке межнационального общения, подчинено законам развития литературы - это процесс взаимодействия двух языков, когда связующим звеном выступает мышление билингва. В наши дни все более усиливается экономическое, социальное, информационное взаимодействие и взаимовлияние между народами, отсюда вопросы единства человечества во всем многообразии форм его исторического и культурного опыта требуют не только теоретического обоснования, но и практического решения. «Нарождающиеся межнациональные и межкультурные отношения в условиях утверждения демократии со все большей очевидностью ставят нас перед необходимостью поиска новых институтов согласия и взаимопонимания»¹.

Решение этой проблемы, на наш взгляд, будет способствовать улучшению процесса отношений между народами. В науке все ещё нет общего мнения по вопросу той роли, которую занимает русскоязычный автор в родной литературе, а также о роли переводов в качестве посредника литератур. Таким образом, проблема двуязычия соприкасается с проблемой переводческой деятельности. Без уяснения роли русской литературы, наиболее полно отразившей эпоху, без осмысления значения переводов из русской литературы на национальные и обратные процессы невозможно полно представить двуязычного писателя.

Нуждаются также в исследовании вопросы поэтики двуязычного писателя, национальной специфики художественной речи. Анализ стиля автора выявляет процесс взаимодействия языков, освоение действительности и создание специфического художественного мира средствами другого языка. С учетом диалога культур явление двуязычия возникает типологически, рождает сходные процессы художественного мышления, вместе с тем возникает в отдельных литературах специфическое отражение национального мира. Эти вопросы требуют нового уровня анализа, в том числе: выявление в ткани произведения предмета изображения автора, элементов этнической культуры, быта, нравов, обычаев, атрибутики - т. е. способов передачи национального.

Большое значение играет индивидуальное художественно-образное мышление писателя на родном и русском языке, сочетанием в его творчестве этих двух начал. Необходимо уяснить, в каких случаях писатель-билингв опирается на национальную символику, мифы, этнографические реалии, в каких он синтезирует традицию, идущую от фольклора с литературными традициями, выработанными в ходе контактов с русской языковой и художественной культурами. Главным в этом следует считать наличие в творчестве писателя национального видения мира и воссоздания его в произведениях.

Глава вторая. Поэзия на перекрестке двух традиций:

2.1. Историко-литературная хроника

В середине 1920-х в узбекском, как и в других тюркских языках был начат процесс замены заимствований из фарси и арабского на исконные тюркские названия и переход на латинский алфавит, инспирированный младотурками. Однако в целях лучшей адаптации процесса вхождения республик Средней Азии в единое советское государство в тюркских советских республиках латиница вскоре была заменена на кириллицу.

В 1930 в ходе суда над бандой касымовцев члены общества «Кзыл калям» были обвинены в пособничестве бандитам, распространении националистических идей и ведении подрывной работы против Советской власти. В результате организация была распущена. После выхода Постановления ВКПб от 23 апреля 1932, где речь шла об ошибках в области идеологической работы в области национальной культуры, советская пропагандистская машина была запущена на полные обороты, и любым проявлениям национализма в области литературы был поставлен заслон.

В то же время давался «зеленый свет» произведениям, соответствующим принципам соцреализма и согласующимся с политикой Советского государства в области культуры. Были востребованы реалистические романы и повести из жизни трудящихся, описывающие жестокую эксплуатацию баев, борьбу с вековым угнетением. Пользовались популярностью образ сбросившей паранджу освобожденной женщины Востока и идеи просвещения – порыв к знаниям и честной трудовой жизни. Этот набор тем, составлявший советский «соцреалистический канон» для литератур всех республик СССР, стал основой создания советских национальных литератур. Несмотря на идеологический заказ, заложенные в «соцреалистический канон» идеи были для того времени новы и прогрессивны и обладали значительным преобразующим импульсом. Поэтому немало талантливых узбекских литераторов не без интереса для себя занимались их разработкой и освоением.

Но теперь к освоению советской тематики приступали не восторженные революционные романтики первых лет Советской власти. Шло планомерное, поддержанное пропагандистской советской машиной, освоение тем и идей, разработанных для всех советских республик.

Одним из наиболее ярких представителей узбекской советской литературы был Гафур Гулям (1903–1966). В этапах его творческого пути прослеживается классическая карьера советского писателя из национальной республики. Гулям вместе с Хамзой Ниази заложил основы нового узбекского стихосложения. Постоянная тема его произведений – социалистический труд и формирование нового человека, критика пережитков прошлого, утверждение социалистической действительности. Его перу принадлежат как поэтические произведения – поэмы *Кукан-батрак* (1930), сборник *Динамо* (1931), юмористическая автобиографическая повесть *Озорник* о жизни ташкентцев начала 20 в., повести *Ядгар*, *Оживший труп*, *Кто виноват?* Во время войны были популярны его антифашистские стихи из сборника *Иду с востока* (1943), удостоенного Госпремии СССР в 1946: *Я – еврей*, *Ты не сирота*, *Время*, *Праздник на нашей улице* и др. В послевоенный период он воспевал жизнь на советской земле: *Все – твое* (1947), *Коммунизму – ассалом!* (1949), *Ленин и Восток* (1961) и др. Гулям переводил на узбекский Пушкина, Маяковского, Шекспира, Саади. Лауреат Ленинской премии 1970, награжден тремя орденами Ленина.

Другой известный советский прозаик Абдулла Каххар (р.1907) в романах *Отбасар* и *Сарааб* описывал трудности коллективизации в деревне. В советской узбекской поэзии появились новые имена – Гайрати (поэмы *Онамга хат*, *Джинаста*), Султан Джура (*Джордано Бруно*, *Поэма о канале*), *Уйдун*, *Айбек* и др. Преодолевший влияние буржуазно-националистических веяний Хамид Алимджан (р.1909) вырос в крупного поэта (поэмы *Махарат*, *Олюм явга*, *Зайнаб ва Аман* и др.); он был известен и своими литературоведческими работами. В драматургии появляются произведения, отражающие новые реалии, – пьесы Яшина Нугманова (р.1908) *Тар-мар* – о гражданской войне и *Гюльсара* – музыкальная драма о раскрепощении женщины.

В послевоенный период узбекская советская литература развивалась в общем русле советских национальных литератур, где во второй половине 20 в.

преобладали темы социалистического строительства, производственных успехов и борьбы за мир. По форме это был так называемый «большой стиль», т.е. реалистическая проза с национальным колоритом и стилизованные под национальные поэтические формы. Мирмухсин Мирсаидов (р. 1921), главный редактор наиболее популярного литературного журнала в Узбекистане «Шарк Юлдузи» («Звезда Востока») в 1950–1960-х и с 1971, был известен и как автор сборников и поэм, воспевающих труд советских хлопкоробов (*Соотечественники* (1953), *Уста Гияс* (1947), *Зеленый кишлак* (1948), повестей на исторические темы – *Белый мрамор* (1957), *Рабыня* (1962), повестей о рабочем классе (*Закалка*, 1964, *Сын литейщика*, 1972) и формировании узбекской советской интеллигенции – *Умид* (1969). Награжден орденами и медалями.

Перестройка, распад СССР в значительной степени повлияли на литературную ситуацию в Узбекистане. С одной стороны, литературный процесс продолжает идти по инерции – работают писательские организации, выходят журналы. Однако впервые появилась возможность «делать» литературу, не ангажированную социальным заказом, руководствуясь собственным свободным выбором тем и эстетических предпочтений.

Новые литературные направления, оформившиеся в 1990-е в виде Ташкентской и Ферганской поэтических школ, стали вызревать уже в 1980-е. В результате возникло уникальное в рамках СНГ этого периода культурное явление – литературные течения, «замешанные» на русском языке, восточном мироощущении и европейской космополитической эстетике. Произведения «ташкентцев» и «ферганцев» впервые стали появляться в Ташкенте на страницах журнала «Звезда Востока» в 1990–1995. Затем в Москве и Ташкенте в 1999–2004 вышло 5 выпусков сборника «Малый шелковый путь». Сейчас их произведения и эссе можно встретить на литературных сайтах, в столичных журналах «Дружба народов», «Арион» и пр.

Для них характерен узнаваемый стиль, своя система образов и определенная направленность большинства произведений. Для Ташкентской поэтической школы (Ташколы) это поиск «внутреннего ташкента», личной территории, в которую естественно попадают и детали реального Ташкента, чаще Ташкента детства и воспоминаний. Авторы ведут рассказ от имени лирического

героя, пытающегося в фрагментах мифологии города обнаружить черты собственного мифа. Их отличает теплая интонация, стремление ненавязчиво передать поиск своей внутренней родины, собственных начал и нового братства. В большинстве произведений звучит ностальгическая нота по утраченному времени непосредственности, цельности и простоты. Стилистически поэтика «ташкентцев» (Санджар Янышев (р. 1972), Сухбат Афлатуни (р. 1971), Вадим Муратханов (р. 1974) и др.) отталкивается от русской классической силлаботоники «Золотого» и «Серебряного веков». В своих эссе авторы поясняют, что считают себя частью именно русской литературы, с помощью них исследующей свое бессознательное – свой «внутренний Восток».

Для более раннего образования – Ферганской поэтической школы (Шамшад Абдуллаев, Хамдам Закиров, Хамид Измайлов, Сабит Мадалиев) – русский язык произведений – скорее формальность «не по любви, а по необходимости»; его традиции и культура особого интереса для них не представляют. Свои духовные импульсы авторы черпают у поэтов Средиземноморья Сальваторе Квазимодо, Эудженио Монтале, им близок кинематограф Антониони и Пазолини. Произведения «ферганцев» – это глубокая, жесткая и холодноватая экзистенциальная проза-поэзия (излюбленная форма – верлибр). Она максимально деперсонализована, отстранена, близка по смыслу и жанру философским откровениям об устройстве, распаде и метаморфозах мироздания. Место и участь человека не оговариваются, но напрашивается вывод, что они незавидны.

В связи с появлением в Узбекистане русских литературных школ не утихают дискуссии о том, к какому классу литературы – русскоязычной или русской – их можно отнести, тем более что уровень произведений узбекской русской литературы порой на порядок выше среднего московско-питерского как по качеству и мастерству владения тем же русским языком, так и по постановке мировоззренческих проблем. Не смотря на то, что многие из «ташкентцев» и «ферганцев» разъехались в другие города и страны, они продолжают принимать активное участие в литературной жизни Москвы и Узбекистана – уже четвертый раз в Ташкенте проводится организованный ими фестиваль поэзии.

В 1990-х появились и новые яркие имена литераторов, пишущих на узбекском языке – поэты Рауф Парфи, Сабит Мадалиев, Хамид Исмаилов, Белги, Мухаммад Салих, некоторые из них пишут и по-русски. Современная узбекская поэзия по настроению, мотивам и выбираемым размерам в общих чертах похожа на поэзию авторов из Узбекистана, пишущих по-русски – общее мироощущение передается схожими способами.

В целом литературный процесс на территории Узбекистана по сути являлся процессом освоения и усвоения культурных моделей – классических персидских и арабских в период становления и расцвета (15–19 вв.), а также пантюркистских (конец 19 – начало 20 вв.), русских (имперских, советских) (19–20 вв.) и западных (конец 20 в.). Особенности узбекской литературы в значительной степени обусловлены ее географией – удаленностью от очагов европейской культуры, близостью евразийской по своим ориентирам России и генетической близостью с мусульманским Востоком. Сам факт нахождения на территории современного Узбекистана крупнейших в прошлом мировых центров персидской культуры Бухары и Самарканда ко многому обязывает и может восприниматься как своего рода эстафета. Значительный потенциал, богатейшие культурные традиции, положение на стыке культур – все эти факторы дают основания ожидать появления новых интересных произведений синтетического характера в узбекской литературе и культуре в целом.

2.2. Сабит МАДАЛИЕВ: координаты поэзии

*Я жил, как будто вечен. Птицы крик
успел услышать только и поник.
Бывало, в миг я вкладывал столетье,
но чаще век разменивал на миг.*

Мадалиев Сабит Мамаджанович — узбекский поэт, прозаик и публицист. Родился в 1949 г. в казахстанском городе Джамбул (ныне — Тараз). В 1969 г. переехал в Ташкент. Служил в армии. Учился на режиссерском отделении Ташкентского театрально-художественного института. В 1972–1990 гг. жил и работал в Москве, где в 1977 г. окончил Литературный институт им. А.М. Горького, работал в Союзе писателей СССР консультантом по узбекской литературе. В 1990 г. вернулся в Ташкент. В 1991–1996 гг. — главный редактор журнала «Звезда Востока». В 2007 г. напечатана первая часть прозаической книги С. Мадалиева «Молчание суфия».

Родился он в простой семье узбекского рабочего. Учился в русской школе и воспитывался в интернациональной среде, в которой были узбеки, русские, казахи, чеченцы, татары, корейцы и представители многих других национальностей. Это наложило, видно, отпечаток на всю его жизнь и научило относиться к людям вне зависимости их национальной принадлежности. Дома с родителями они, дети, говорили на узбекском языке, а на улице и в школе — на русском. Поблизости не было узбекской школы, и поэтому родители отдали его учиться в русскую школу.

В его семье, в которой детей воспитывали в соответствии с мусульманскими традициями, родители никогда не принуждали детей читать молитвы, хотя с самого детства они знали многие короткие суры Священного Писания. Покойная мать была знатоком Корана и хадисов. Все называли ее «отинча» — что переводится как чтница Корана. У неё был сильный и богатый высокими тембрами голос, наверное, ближе к баритону, и, когда она читала Коран, люди всегда плакали. За ней часто приходили со всего города, и она читала Коран на женских религиозных собраниях. В такие дни, если собрание проходило недалеко от их дома, отец посылал маленького Сабита встречать маму, и он, 8-летний мальчишка, шёл заранее к указанному дому, садился у открытого

окна и, прислонившись к стене глинобитного дома, слушал, как его мама читает Коран. Читала она наизусть и долго, проникновенным голосом. Плакала при этом сама, и плакали все женщины, которые её слушали. Никто из них, конечно, не владел арабской графикой, никто не понимал арабской речи, но, слушая Коран, плакали все. Потом она выходила, и они вместе шли домой. При этом, как это принято сейчас, за чтение Корана она ничего и никогда не брала. Даже одной лепешки.

Сабит Мадалиев родился и вырос в местах, где проживали великие религиозные деятели, где широкое развитие получил суфизм. История распространения Ислама в Центральной Азии почти целиком связана с деятельностью суфиев. Представители суфийского братства Ходжаган долгое время были советниками при последних монгольских ханах. Грозный Тимур глубоко уважал шейхов Ахмада Яссави, Сайида Амир Кулала и других. Многие ханы и беки, правившие в Центральной Азии, были мюридами того или иного суфийского шейха. Родиной таких суфийских братств, как Накшбандийа, Яссавийа и Кадирийа является Центральная Азия, а точнее, Бухара. Самым распространённым направлением суфизма в Узбекистане стал орден Накшбандийа. Из всех направлений суфизма он имеет наибольшее число последователей в регионе.

Здесь больше нужно говорить об Узбекистане, так как эта страна всегда была центром, откуда суфизм в регионе в дальнейшем получал распространение. То же самое наблюдается и сейчас. Только теперь к Бухаре присоединились Ташкент и Коканд. В этом ряду стоит и казахстанский город Туркестан, в котором захоронен великий шайх Ахмад Яссави и который в последние годы все больше привлекает к себе верующих, пополняющих затем ряды суфиев. Практика суфиев – тихий и громкий зикр – производили глубокое впечатление на обращённых в Ислам и очень помогли в деле распространения Ислама в Центральной Азии. Несомненно и то, что особенно в первых веках распространения Ислама суфизм придал ему гибкость и способность приспосабливаться к новым условиям, что во многом обеспечило его успех в регионе.

В советские времена мусульманскую традицию искореняли всеми возможными средствами, и первыми пострадали суфийские авторитеты. Тем

самым прервалась духовная преемственность, когда знания и традиции передаются от учителя ученику. Сейчас эта традиция несколько восстанавливается, и потому заговорили о возрождении суфизма в регионе. Суфизм в Центральной Азии возрождается, но в этом нет особой заслуги государства, которое пользуется суфизмом, как ярлыком для прикрытия своего страха перед крайними течениями в Исламе. Его сегодняшнее возрождение вызвано другими известными политическими и общественными процессами: обретение независимости, новый взгляд на свою историю, безуспешные поиски государственной «новой идеологии» и т. п. После обретения независимости в Узбекистане суфизм был объявлен духовным наследием, что способствовало фактической легализации упомянутых немногочисленных шейхов. В особенности это касается тариката Накшбандийа, традиционно более популярного в Центральной Азии. Суфизм возрождается, потому что на фоне повальной нищеты и государственной лжи это учение призывает людей быть честными, чистыми, любить друг друга и с любовью поклоняться Всевышнему, жить по канонам Пророка Мухаммада (мир ему и благословение). Независимо от периодов истории, суфии призывали к строгому следованию Корану, отказу от роскоши и духовному очищению. Истинный суфизм – это простота в быту. Один из главных принципов Накшбандийского тариката привлекает людей больше всего: «Внешне с людьми, внутренне – с Богом». И ещё: человек должен зарабатывать хлеб честным трудом, если он хочет приблизиться к Богу. Так думали суфии много столетий назад. Так думают суфии и сегодня.

Бытует мнение, что суфиями становятся люди, глубоко разочарованные в мирской жизни, озабоченные повседневными и, по большей части, материальными проблемами. И ещё далекие от суфизма люди утверждают, что в суфии идут те, кто разочаровался в государственной идеологии, и те, кто оказался на пороге черты бедности. Но это теоретическое предположение исходит от незнания. Опыт последних лет показывает, что ряды мюридов всё больше пополняют молодые люди, которые идут к суфиям, которые говорят о Боге и к человеку относятся с великим уважением.

Интересно, почему поэт, раньше не писавший на религиозные темы, решили посвятить себя суфийской поэзии? Возможно, что он слишком долго

находился в поиске своего пути, который растянулся на двадцать лет. Занимался в молодости даже йогой и, вступив на суфийский путь, не сразу начал писать на эту тему. Как-то он признался, что чтобы писать на суфийские темы, мало быть самому религиозным, надо достичь определенного понимания этого, пропущенного через свою душу.

Поэт неоднократно собирался начать перевод гениального произведения великого суфия и поэта Алишера Навои «Обращение к Богу», но никак не решался. Дело в том, что для того, чтобы начать переводить суфийский текст, мало его понимать, надо дойти до уровня сопереживания каждой строки и каждого слова сердцем. И только тогда человек может решиться на перевод. Но и тогда остаются многие вопросы у переводчика, ибо за внешней простотой чаще всего скрываются глубинные пласты, которые непросто понять или пережить. Прежде чем приняться за решение любого дела, у суфиев принято испрашивать разрешения и благословения у шейха. Когда он уже было решился начать перевод «Обращения к Богу», он поехал в Ханаку к своему шейху и рассказал ему о сомнениях, которые одолевали его и удерживали от начала перевода.

«Если бы Вы понимали текст оригинала достаточно глубоко, – сказал ему шейх Ибрагим, – не было бы необходимости садиться за перевод суфийского произведения. Когда суфии знают, они об этом не говорят. Я благословляю Вас на перевод «Обращения к Богу», и пусть Аллах и дух самого Алишера Навои будут Вам поддержкой. И дай Бог, чтобы глубинные пласты, в которые Вы будете проникать во время перевода, помогли подняться Вам на новую ступень суфийского пути».

Очень большой интерес представляют написанные поэтом рубаи. Жанр «рубаи» был придуман в далеком средневековье поэтами суфиями, которые в короткой форме старались выразить своё отношение к Богу. С появлением рубаи началась новая ступень в развитии традиционных восточных поэтических жанров... В настоящих рубаи всегда есть конкретный адресат – Аллах, к Которому обращается автор, а лирическим героем становится сам поэт... Каждое рубаи создаётся на основе собственного душевного опыта. Главная же их психологическая черта – отсутствие ложного драматизма.

Лучше б смерть разлучила с тобою меня,
Но разлука живых – страшнее огня,
Это днём иступленное к ночи стремленье,
А потом в темноте – ожидание дня.

В ситуациях, изображенных в стихах, мысль лаконична, как в ёмких древних восточных миниатюрах. Рубаи – это и есть изображенная словами миниатюра, состоящая всего из четырех строк, в которых рифмуются первая, вторая и четвертая строки, а третья строка остается независимой.

Главная и характерная черта рубаи – афористичность. Главным при написании рубаи для узбекских поэтов является остановленное мгновение души, во время которого человек обращается к Богу. Рубаи нельзя писать, как пишутся обычные стихи, это особое вдохновение, при котором рубаи не записываются строчка за строчкой, а приходят сразу, как морской прилив, как наводнение, которое затопляет душу, и потом со дна этой затопленной чувствами души поэт – ныряльщик достает изумруд. Что интересно, так это то, что многие современные узбекские поэты пишут рубаи на русском языке, который давно уже стал для них вторым родным языком.

Сижу я у остывшего тандыра –
под этим небом холодно и сиром,
впустил я в душу позднюю любовь,
а оказалось, все печали мира.

... 10 июня 2004 года в Ташкенте в небольшом зале музея Есенина прошел поэтический вечер Сабита Мадалиева, на котором собрался весь цвет творческой интеллигенции города. Член международной академии «Евразия», поэт, переводчик и публицист, автор десятка книг и сотен статей, Сабит Мадалиев, который остается любимцем художественной элиты Узбекистана на протяжении уже многих лет, познакомил аудиторию с новыми произведениями, созданными на русском языке в классическом жанре восточной поэзии – рубаи, прославленный именами титанов восточного Возрождения: Навои, Рудаки, Ибн Синои и Омаром Хайямом. Сабит Мадалиев утверждает: «Восточная лирическая поэзия – это огнедышащая лавина чувств, неистовый жар которой должен быть слегка умерен временем и разумом, чтобы не слепить глаза автору». Твердо

придерживаясь его канонических форм, поэт, по собственному признанию, стремится наполнить четверостишия смыслом своей эпохи и переживаниями современного человека, затерявшегося между двумя веками, на рубеже цивилизаций. Тонкий знаток современной культуры и истории своего народа, автор оригинальных переводов сур из Корана, давно увлеченный философией суфизма, поэт считает, что именно рубаи лучше всего подходят для выражения атмосферы смутных времен, крушения и становления Империй, ожесточенной борьбы идеологий, отчаянных духовных поисков личностей и целых народов в сумраке исторических катаклизмов.

Когда душа смятенная болит,
Когда тебя несёт поток обид, -
Встань на молитву в тишине полночной,
И свет молитвы небо озарит.

Однажды на вопрос: «Что может стать источником Вашего вдохновения?» Сабит Мадалиев ответил так: «Всё, что угодно. У соседей есть внук, маленькое и совершенно бесподобное чудо в возрасте всего полутора лет, к которому я испытываю особое чувство симпатии и с которым люблю возиться. Мне кажется, что ребёнок тоже тянется ко мне. Часто по вечерам его выносят, и я провожу с ним некоторое время. Недавно во время предвечерней молитвы этот ребёнок, который только за несколько дней до этого начал делать первые шаги, широко расставив ручонки, словно балансируя на канате, зашёл в комнату, где я молился, и сел рядом со мной на молитвенный коврик. Видя, что я не обращаю на него никакого внимания, он вместе со мной совершил земной поклон и потом сидел рядом со мной, пока я не завершил молитву. Сразу после завершения молитвы у меня родилось рубаи, которое я не смог бы придумать и за год, если бы специально сел его писать».

Литературное мастерство не знает языковых барьеров. Вот почему произведения узбекских поэтов на русском языке читаются так же вдохновенно, как и на языке оригинала. Да, оно приходит с годами. И главное, чтобы человек не перестал чувствовать мир так же обостренно, как в молодости. Сплав глубокой чувственности и достойной мысли могут высечь искру из вдохновения, и тогда появляется талантливое произведение. Мастерство заключается, наверное, в том,

чтобы вовремя уловить то самое состояние души, когда идёт плавка руды, состоящей из слов, мыслей и чувств. Одним трудом, даже постоянным, невозможно достичь серьёзных успехов в литературном мастерстве. Можно стать мастеровитым и выдавать на более или менее высоком уровне литературу, но она никогда не станет фактом истории литературы. Мастерство, как и талант, – Божий дар, который надо лелеять и ухаживать за ним постоянно, чтоб он не ушёл от тебя, как уходит в пустыне вода в песок.

В бессмысленной погоне за судьбой
я здесь умру и прорасту травой...
всё так же будет ветер говорить,
не повышая голоса со мной.

2.3. *Метаморфозы времени*

В своей поэтической практике современная русскоязычная поэзия Узбекистана опирается в равной степени на сложившиеся восточные и русские традиции, так как обе ориентируются на строгую профессиональность и то, что обычно именуется добротным мастерством поэтического ремесла. Сегодня эта поэзия непредставима без поэтической практики Сабита Мадалиева, чьё присутствие в узбекской русскоязычной поэзии настолько ощутимо, что можно говорить о его несомненном вкладе в культуру сегодняшнего Узбекистана.

Кто сказал, что забыл я обычаи,
от своей оторвавшись земли, –
двуязычие – не двуличие
затаившейся злой змеи.

Всем богат я вдвойне. Два неблизких,
Два великих наречья – броня...
Что вошло с молоком материнским,
лишь со смертью уйдет из меня.

Долгие годы (1972-1990) поэт (известный и как прозаик, переводчик и публицист) жил и работал в Москве. Здесь, в 1977 году, он окончил Литературный институт имени А.М.Горького, а затем, уже вернувшись в Ташкент, возглавил редколлегию журнала «Звезда Востока» - одного из ведущих литературно-художественных журналов Средней Азии. С 1977 года имя Сабита Мадалиева стало хорошо известно не только на его родине, но и в Москве и других городах России. Его стихотворения можно было увидеть на страницах журналов «Дружба народов», «Новый мир», «Огонёк» и др. Несомненный успех имели его «Рубаи» (1999) и поэтический перевод сур Корана «Молитвы пророка Мухаммада» (1999). Сабит Мадалиев – член Международной Академии «Евразия».

Существует понятие «культурная поэзия» и, несомненно, стихотворения Сабита Мадалиева не только живут в самой культуре народа, но и знают её судьбу. Одной поверхностной образованности будет недостаточно, чтобы

глубоко понять стихи поэта, поскольку для этого в первую очередь нужно обладать глубоким опытом проживания в истории культуры и её творческого пути. Не потому ли герой Мадалиева нередко возвращается в старость, чувствует себя стариком, чтобы помнить со всей цепкостью старческой памяти то далекое, что происходило не с ним, но воспринимается как своё. Мудрецы и герои, пахари и воители через многие годы пронесли мечты и чаяния, неизбывную любовь к родной земле, ненависть к врагам. Образы замечательных предков, их деяния, радости и страдания, нашедшие художественное отражение в восточной народной традиции, стали и основой, фундаментом памяти, которая продолжает жить в творчестве русскоязычного поэта Сабита Мадалиева.

...Беспечный ветер наметал песок
на улицы пустынные,
шары
сухой травы и перекасти-поля
бесцельно перекатывались,
солнце,
величественно уходило солнце
за горизонт.
Безмолвствовал кишлак.
Все было так же сотни лет назад –
Я уходил из дома,
плыл песок...

Детство и старость, а между ними – дорога к вечности, на которую уже ступили малыш, старуха и Поэт. И скулящий за подворотней пёс, и чертящий фигурки на земле малыш, и старуха, которая «присев у самовара,/ чуть сутулясь и крепко сжав беззубый рот,/внимательно прислушивалась к музыке/ и к пенью закипающей воды», думала о вечности – всё указывает на неизменность текучести жизни. Конечное и бесконечное по обе стороны мира словно срастаются в единый образ. И хотя здесь, на земле, всё представляется лишь в виде отдельных фрагментов («Всё будет так - / я вновь уйду из дома,/ всё так же будет самовар кипеть,/ и, утомившись ждать меня,/ ребёнок/ однажды,/повзрослев,/уйдёт из дома»), расставаться с ними поэт не хочет.

Трагическое осознание конечного есть тот мотив, который приглушенно звучит в ряде его стихотворений. При этом важную роль играют физические категории времени и пространства, в частности сам процесс движения. В стихотворении «Во сне я плакал» метафизика конечного и бесконечного непосредственно связана с онтологическим чувством страха перед лицом смерти, неминуемой утраты родных ему людей.

каждый раз когда закрывается
за уходящим дверь
больше всего я боюсь
что больше он не вернется
все
не надо меня успокаивать
руки мои не дрожат
туман рассеялся над глазами
только время просачиваясь сквозь песок
гранит моего ожидания
напоминает
дверь за собою закрыла сестра
и больше не возвращалась
маму я проводил до дверей
и больше ее не видел
дверь за собою прикрыл отец
и больше не постучался...

Перед нами трагедия, обнаженная до боли. Бесконечен вещный мир, и есть в его медлительном движении некоторая закономерность: так было всегда, есть и будет. Несмотря на скованный, молчаливый жест нам становится ясно, что это указание в сторону бездны, метафизического ужаса, *после которого поэту остается лишь только:*

иногда
когда штормит по ночам
а в сердце моем разрываются звезды

я подхожу к двери
чтобы ступить в пространство
обволакивающей пустоты
но никак не могу открыть
эту самую дверь

Лишенный надежды осуществить свою волю, он обретает высокое равнодушие молчания, осуществляемое в форме бормотания, призванного скрыть свою собственную безнадежность. Но нередко сознание поэта вспоминает события, освещенные светом высокой любви. В них чистота и пронзительность чувства обрамлена в традиционную восточную форму семистиший, в которой блистательный словесный прозрачный узор сочетается с характерной для русской лирики исповедальностью. Динамика чувства героя передана поэтом не «через воплощение в лирическом миге, в котором их концентрация была бы наиболее высока, а спрятана в символических сравнениях»¹:

всесилен вспоминающий сумею
припомнить улыбнувшиеся губы
любимой женщины в потухших бликах солнца
я вспоминал и так хотел вернуть
тень от улыбки но вспорхнула птица
и я в твоих пушистых волосах
запутался осою одинокой

У Сабита Мадалиева образ любимой становится «синонимом всеобъемлющего мира, в котором “я” героя растворяется во всевмещающем “ты”»². Вспомним слова, сказанные великим русским философом Владимиром Соловьевым о том, что «... высшее идеальное единство осуществляется в любви, которая вносит в материальный мир истинную, идеальную человечность. В любви – высшее проявление индивидуальности, торжество над смертью, мистическая «вечная» жизнь...»³. Земная по происхождению любовь переходит в идеально-

¹ Гуртуева, Т. Цвет времени (Поэтический триптих), LINGUARUS, Ljubljana, 2009.- С. 86.

² Там же, с.86

³ Соловьев, Вл. Собр.соч. в 2-х томах. М., «Мысль», 1988. Т.2.- С.366.

мистический план и в этом случае возлюбленная героя становится предметом обожествления:

как беркут охраняющий пустыню
с вершины мною прожитых годов
я охраняю в памяти своей
воспоминанья о тебе
и снова
как солнце осени
рука твоя тепла

Философскую и изобразительную напряженность поэт совмещает со скупостью средств, их ёмкостью и прочностью. Здесь налицо определенная литературная традиция, преемственность. Но дело не только в этом. Есть нечто более сокровенное для поэта – ощущение причастности к той культурной среде, которая всеми своими нитями притягивает его к себе. Не удивительно, что такой культурной средой стала для Сабита Мадалиева русская романтическая поэзия в различных её выражениях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

До 1991 года русская литература рассматривалась государственными структурами как часть идеологического механизма. Поэтому в республиках СССР она поддерживалась государством, создавались имена, авторитеты, книги издавались по плану и т.д. Теперь же ситуация изменилась, русская литература перестала быть политически ангажированной. Во-первых, она очень четко стала делиться на элитарную и массовую. Во-вторых, объединенные литературные направления перестали существовать, да в них уже как бы отпала надобность, ведь авторы стремятся теперь пробиваться в одиночку. Ареал бытования русской литературы и языка в Центральной Азии сужается в географическом и геополитическом пространстве, постепенно перемещаясь в культурное и... виртуальное. Очень мало выходит публикаций, обращающих на себя внимание. Периодом расцвета можно назвать середину 90-х годов, когда издавался журнал «Звезда Востока» при редакторстве Сабита Мадалиева. Такое впечатление, что русская литература в Узбекистане сегодня живет только "наследством" тех пяти лет. Таково общее мнение исследователей литературного процесса в сегодняшнем Узбекистане. В то же время в начале 90-х годов выплеснулось в печать все, что копилось "в стол" предыдущими десятилетиями.

В русскоязычной литературе, особенно в поэзии Узбекистана, интерес вызывают так называемые "театрализации" современной литературы. В искусстве центрально-азиатского постмодерна, и в литературе особенно, акцент ощутимо смещается в сторону акций, "раскрутки" имен, позиционирования разных школ, направлений, идейных концепций. Автор исчезает совсем по-постмодернистски. Можно сказать, что в постмодернизме выделился особый жанр "театрализованной" литературы, которому присуща одновременно и глубочайшая самоирония, нарочитая "несерьезность" идейных деклараций, и, вместе с тем, очень высокие требования к качеству текстов, профессионализму, "сделанности" произведений.

В последнее время стали часто задавать вопрос: «Можно ли говорить о современной литературе Центральной Азии как об особом феномене? Распадается ли она на казахстанскую, узбекистанскую, кыргызстанскую и т.д или же остается

частью российской литературы ближнего зарубежья»? Нельзя не согласиться с Б.Голендером, утверждающим, что «литература обусловлена языком. Человек, который пишет на русском языке, со всей ответственностью становится творцом русской литературы, а не "русскоязычной". А вот мнение В.Муратханова: «Язык, существующий сегодня в разных русских диаспорах стран Центральной Азии все больше становится разным, причем не только устный, но и письменный, цветет разными оттенками смыслов и ложится в основу самобытных литератур». А такие авторы как Сабит Мадалиев, Вячеслав Ахунов, Сухбат Афлотуни «скорее представляют собой уже литературу Узбекистана на русском языке. И дело не в том, что в их произведениях тесно сплетается русская и узбекская речь. Тут особая картина мира, свои философские и эстетические корни. Конечно, совсем не чуждые русской культуре, но несколько "выходящие за", более космополитические и национальные одновременно».

Сабит Мадалиев в одном из своих произведений сказал: "Двуязычие - не двуличие". В современной русской литературе Центральной Азии, - отмечает Ю.Подпоренко, - можно наблюдать некоторые феномены слияния языков, когда один язык не поглощается другим, а органично вбирая его элементы, начинает более точно отражать нюансы особенного устройства мысли, обусловленные средой.

И, наконец, последнее. Имеет ли место процесс взаимовлияния, и является ли русская литература посредником между национальными литературами? По словам В.Муратханова, в советское время существовали очень мощные школы перевода на русский язык с языков среднеазиатского региона. Узбекские, таджикские, киргизские и казахские авторы входили в русскую культуру посредством перевода. Сейчас переводов почти не делается. Видимо пришло время наведения мостов культуры. Хотя возможна, как отметила Л.Калаус, и совершенно новая форма взаимовлияния культур, не через перевод, а через произведения, написанные на разных языках, но пропитанные мироощущением, духом, образным строем соседней культуры.

Очень интересным представляется наблюдение К.Султанова, который заметил: «После распада СССР влияние русской литературы на узбекскую даже возросло, как мне кажется. Факты же влияния узбекской литературы (я имею в

виду современную) на русскую лично мне не известны. Кроме того, сейчас обнаруживается тенденция к обращению русского языка в язык культурной элиты. Например, несколько лет назад я стремился говорить с узбеками только по-узбекски. Теперь же, чтобы выказать уважение, я все чаще перехожу на русский, поскольку со мной предупредительно перешли на русский из тех же соображений». По мнению же Ю.Подпоренко, уровень развития культуры во многом зависит от уровня "внутренней конфликтности". Имеется в виду наличие полярности в культурной среде, "поликультурии", языковой толерантности. И в этом пространстве русский язык занимает свою нишу, имеет свою востребованность. Как и русская литература, его питающая.

БИБЛИОГРАФИЯ

- 1.Абдуллаев Е. Русские в Узбекистане 2000-х: идентичность в условиях демодернизации // Диаспоры. 2006. № 2.
- 2.Абдуллаев Е. Образ России в современном Узбекистане: вытеснение - использование - сохранение // Россия и ЕС в Центральной Азии / Под ред. М.Г. Носова и др. М.: Институт Европы РАН, 2008.
- 3.1.Андрианов А.Л. Русско-узбекские литературные связи советского периода (20-30): Автореф.дисс.на соиск.учен.степ.канд.филол.наук. – М., 1968.
- 4.Арефьев А. Как это будет по-русски? // Эксперт. 2006. 25-31 декабря.
- 5.Айылчиев К.А. Стилевое своеобразие двуязычного творчества Чингиза Айтматова: Автореф.дисс.на соиск.учен.степ.канд.филол.наук. – Бишкек, 1992.
- 6..Бычков Д.С. Братство народов – братство литератур // Русские мотивы в кабардинской поэзии. – Нальчик, 1957.
- 8.Воспоминания об Эфенди Капиеве. - Ставрополь, 1980.
- 9.Габдиров И.Х. Русско-казахские литературные связи советской эпохи: Автореф.дисс.на соиск.учен.степ.канд.филол.наук. – Алма-Ата, 1968.
10. Гогоберидзе Г.М., Гогоберидзе У.М. К проблеме христианско-исламского диалога как средства восприятия инонациональной культуры// Проблемы преподавания филологических дисциплин в вузе и начальной школе в условиях двуязычия КЧР. - Карачаевск, 1998.
- 11.Гусейнов Ч. Этот живой феномен: Советская многонациональная литература вчера и сегодня.— М., 1988.
12. Гусейнов Ч. (Интервью) //Литературный Азербайджан. - 1990.- №6.
- 13.Джумаев А. Найдем ли мы себя в потоке перемен? Динамика исторического процесса и картины мира в культуре среднеазиатских народов // Дружба народов.2008. № 4.
- 14 .Жирков А.В. Крылья творчества – единство и многообразие // Книга о русско-киргизских взаимосвязях. – Фрунзе, 1982.
- 15.Золотая поэзия Востока. – Сб. Симферополь: Реноме, 1998.
- 16.Канаев Н.П. Из истории русско-якутских литературных связей советского периода 20-40-х гг. – Якутск, 1973.

17. Качмазова Н.Г. Современная русскоязычная проза народов Севера: Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук.: Екатеринбург, 1955.
18. Комановский Б.Л. Самые молодые литературы. – М., 1973.
19. Курбанов И.Ш. Азербайджано-русские литературные связи.: Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. – Баку, 1987.
20. Kolstoe P. Russians in the Former Soviet Republics. London, 1995. pp. 221-223;
21. Круглый стол: «Национальные культуры и межнациональные отношения» // Вопросы литературы, 1989, №8.
22. Кшондзер М.К. Грузия в творчестве русских советских писателей. Национальные особенности и типология художественного восприятия.: Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук. - М., 1991.
23. Лирика: из ирано-таджикской поэзии. – М.: Худож. лит., 1987.
24. Мадалиев С. Реформа языка: нежеланная латиница // Фергана.ру. 2004. 29 февраля (www.ferghana.ru/article.php?id=2619).
25. Мадалиев С. Рубаи/ С.Мадалиев // Дружба народов. – 2008. - №3.
26. На перекрестке времен и цивилизаций: литература Таджикистана и Узбекистана. Сб. Вып.7. Сост. Воронина О.С.; Екатеринбург: СОМБ, 2008.
27. Османова З.Г. Взаимосвязи советских литератур и проблемы изображения личности // Взаимодействия литератур и художественная культура развитого социализма. – М., 1977.
28. Подпоренко Ю. Бесправен, но востребован. Русский язык в Узбекистане // Дружба народов. 2001. № 12.
29. Radnitz S. Weighing the Political and Economic Motivation in the Post-Soviet Space: The Case of Uzbekistan // Europe-Asia Studies. 2006. Vol. 58. № 5. P. 665.
30. Россия - Узбекистан: с верой в будущее // Труд-7. 2004. № 35.
31. Roy O. The New Central Asia: the Creation of Nations. London; New York: I.B. Tauris Publishers, 2000. P. 180.
32. Русский язык в национальной школе. 1979. № 4.
33. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Под ред. А.Е. Кибрика. М.: Прогресс; Универс, 1993.

- 34.Скорород З.Я.Творчество русскоязычных национальных писателей как историко-литературная проблема (на материале туркменской литературы): Автореф.дисс.на соиск.учен.степ.канд.филол.наук. – Ашгабад, 1993.
- 35 .Соловьев Вл. Собр. соч. в 2-х томах. М., «Мысль», Т.2. ,1988.
- 36.Скринник В.М. Русский язык как основа развития интеграционных процессов в странах Центральной Азии // Единство в разнообразии (Алматы). 2009. № 1.
- 37.Стенограмма выступления на круглом столе «Язык русской литературы: стагнация или развитие?». Ташкент, 28 сентября 2008 года (<http://culture.uzsci.net/poems/6festival.html>).
- 38.Тихонов А.Н., Ходжиев А.П. Некоторые проблемы изучения в Узбекистане русского языка как средства межнационального общения // Общественные науки в Узбекистане. 1984. № 7.
- 39.Халидова Т.Х. К вопросу о русско-узбекских литературных связях // Русско-узбекские связи. – Ташкент, 1981.
- 40.Чамоков Т. В ритме эпохи. – Нальчик, 1986.
41. Чанкаева Т.А., Резунова И.А. К вопросу о двуязычии // Вестник КЧГУ. - № 10. - 2003.
- 42.Читтик, У. В поисках скрытого смысла. Суфийский путь любви. Духовное учение Руми / У.Читтик. –М.: Ладомир, 1995.
- 43.Шермухамедов С. Изучению русского языка - всеобщее внимание // Общественные науки в Узбекистане. 1979. № 3.